

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПАРИЖ

ГЛАВА 1

Париж, 1750 год

Мадлен

Сегодня маман проводила переоценку своих девушек. В такие дни лучше улизнуть из дому, что Мадлен и сделала. И потому сейчас она шла мимо скотобойни, где на снегу темнела замерзшая кровь, а на крюках висели туши, задрав бледные зады к утреннему небу. Перчаток у нее не было. Прозрачный морозный воздух до боли обжигал ей руки. Кожа на костяшках пальцев потрескалась и саднила. День был явно не для прогулок, но уж лучше брести по холоду, чем остаться дома и слышать то, что творится в его стенах. И потом, ей сегодня все равно требовалось выйти на улицу, дабы выполнить одно неотложное дело.

Мадлен свернула с улицы Паве в лабиринт квартала Монторгейль, где улочки непомерно узки, а дома слишком высоки, отчего солнце туда не проникает, зато зловоние удерживается, поэтому на улицах всегда темно и воняет, как от какого-нибудь убогого *connard*¹. Старинные дома клонились друг к другу, словно плотно посаженные зубы. Просветов между их обветша-

---

¹ Здесь и далее, где нет сноски, см. словарь исторических терминов и жаргонных выражений. — *Примеч. перев.*

лыми кирпичными стенами не было. Их окна изнутри были законопачены тряпьем. Время от времени из сумрака появлялось чье-то лицо, кажется детское, с написанным на нем желанием поесть. Голод царил здесь не одно поколение. Но уж лучше жить здесь, на самом человеческом дне, среди *le bas people*, как их называли, среди обитателей трущоб и босых бездомных, ночующих в подъездах, чем у маман в ее «Академии», где сейчас всюду проходила ежемесячная выбраковка.

Мать всегда считала это вопиющим стыдом. Занятием, не приносящим ей никакого удовольствия. Но дело, которым она зарабатывала, требовало внимательного отношения к изменчивой человеческой плоти. Грудь имела обыкновение наливаться и усыхать, в теле поселялись болезни, кожа вытягивалась и становилась дряблой, а язвы и сыпь появлялись без предупреждения. Хуже того, невзирая на кучу предохранительных мер, кто-то неожиданно беременел и с трудом избавлялся от плода. Время от времени всегда что-то происходило, как однажды произошло с Мадлен, и тогда всего за день ценность девушки для утех падала вдвое. Всегда находилась хотя бы одна обрюхаченная или потерявшая товарный вид шлюха, которую маман, выражаясь ее словами, «отправляла на пастбище». Да только на задворках Парижа никаких пастбищ не было. Здесь текла черная река отбросов и нечистот, неся с собой битые бутылки и рыбы головы. Сейчас, в январе, улицы покрывал снег вперемешку со льдом, в подъездах бездомные жались друг к другу, и кое-где взгляд наткался на окоченевший труп.

Достигнув улицы Пуант-Сен-Эсташ, Мадлен выбралась на тусклое зимнее солнце. В воздухе пахло дымом и золой. Она покинула места, где обитали беднейшие из бедных, и попала туда, где жили те, кто едва сводил концы с концами. Мадлен обогнула шумный рынок Ле-Аль и пошла на юг, к мосту Пон-Нёф. Народу на улице прибавилось. Среди городских оборванцев мелькали портшезы с аристократками, закутанными в меха и поблескивающими драгоценностями. Когда Мадлен переходила улицу Сент-Оноре, мимо пронеслась золоченая карета. В окошке мелькнуло лицо полулежащей женщины, наряженной в атлас. Может, аристократка, а может, и *femme entretenue*, едущая в карете своего содержателя. Девушкам, желавшим разбогатеть, Париж предлагал единственный способ — стать содержанками.

Наконец Мадлен вышла к реке, увидев тянущиеся в небо шпили собора Нотр-Дам и единственный железный шпиль собора Сен-Шапель. Если смотреть лишь на очертания зданий, Париж выглядел богатым и прекрасным городом — городом учености и благочестия. Конечно, где-то так оно и было, но только не в местах, знакомых Мадлен. Их Париж стыдливо скрывал. Она шла по берегу грязно-серой Сены, пока не добралась до заведения *apothicaire*¹, в витрине которого, словно драгоценные камни, поблескивали бутылки. Немного помешкав, Мадлен собралась с духом и толкнула дубовую дверь.

¹ Аптекарь (*фр.*).

Внутри было тепло, пахло пряностями, однако встретили ее холодно. Возле прилавка оживленно разговаривали две женщины. Едва взглянув на Мадлен, они тут же забыли о ней, как забывают о рваной тряпке. Аптекарь взвешивал на больших медных весах какой-то голубой порошок и вообще ее не заметил. Пока она ждала, пальцы ног сводило от боли, что всегда бывает, когда озябшие ноги попадают в тепло. Мадлен разглядывала полки, густо уставленные стеклянными банками и фарфоровыми чашками. Названия некоторых снадобий были ей знакомы: гвоздика, огуречник, окопник, дудник. Иные говорили мало: корень ялапы, хина, аралия. На глаза попалась коробка с надписью «Кампешский янтарь». А это что такое?

— Представляете? Она так и не вернулась. В голове не укладывается! — говорила одна из женщин, обращаясь к другой.

«Язвительная особа, — подумала Мадлен. — Такие в каждом видят только худшее».

— Так что же с ней случилось?

— Этого никто не знает. Но на следующий же день странствующая ярмарка свернулась и уехала. Наводит на мысль, не правда ли? Я бы свою дочь в таком возрасте ни за что бы не отпустила одну.

Аптекарь поднял голову. Его глаза, словно две черные мухи, ненадолго задержались на Мадлен. Он быстро отвел взгляд, завернул покупки, принял от женщин деньги и натянуто улыбнулся тонкими губами. Едва Мадлен подошла к прилавку, улыбка исчезла.

— Улучшения есть?

- Совсем незначительные.
- Ты сделала так, как я советовал?
- Да... Есть еще что-то, чем можно помочь?
- Возможно, только это будет стоить, — окинув ее

взглядом, ответил аптекарь.

«Как будто раньше это ничего не стоило», — подумала Мадлен. А если упросить аптекаря, рассказать, в каком они нынче положении? Нет, бесполезно. В Париже тебе никто ничего не даст даром. Особенно такой, как она.

- Дороже, чем в прошлый раз? — спросила она.

— Я бы сказал, что да. Снадобье дорогое. Привезли из Америки.

— Экзотика, — вскинула брови Мадлен. — Принимаю.

Она молча следила за движениями аптекаря. Тот насыпал семян в ступку и растолок в порошок. Воздух стал насыщенным; пахло мускатным орехом, смешанным с чем-то жгучим и горьким. Аптекарь пересыпал порошок в зеленую склянку и поставил на прилавок перед Мадлен:

- С тебя два луидора.

Мадлен смотрела на его белые руки, испещренные венами:

- Согласна.

Она оглянулась на дверь. За это время в аптеку никто не вошел.

Аптекарь подошел к двери и перевернул вывеску. Заведение на время закрылось.

Домой Мадлен возвращалась медленно, плотно укутавшись в плащ. Ей попадались женщины, чьи руки утопали в толстых меховых рукавицах. Они выгуливали собачек на поводках. Куда-то спешили слуги с красными от мороза лицами. Мадлен шла по улице Моннуайе, заглядывая в витрины шляпных магазинов. Выставленные там шляпы с перьями напоминали стаю диковинных птиц. Может, так нашли свой конец и отцовские попугаи, отдав свои перья для шляп *gens de qualité*? Ее отец был *oiseleur*¹ и держал магазин на набережной Мажисери, торгуя птицами и мелкими зверюшками. После его смерти маман продала магазин и всю живность другому торговцу. Какаду, зяблики, белые мыши и белки были рассажены по клеткам и исчезли в мгновение ока. Арендная плата за магазин и жилье не вносилась очень давно, поэтому мать с дочерьми быстро покинули дом, в котором выросла Мадлен, и переехали на улицу Тевено. Там тоже пошла торговля, но уже другими птичками.

Мадлен шла мимо ювелирных магазинов, чьи витрины сверкали сапфирами и рубинами. Впрочем, это могли быть и подделки из клея, куда добавлена краска. Живя в Париже, нужно научиться отличать настоящее от поддельного. Самоцветы, волосы, груди, характеры — все это можно легко подделать. «Мадам, оспа лишила вас бровей? Купите пару отличных накладных бровей из тончайшего мышиного меха. Месье, вы в потасовке потеряли зубы? Вот вам целая челюсть, взятая

---

¹ Птицелов (*фр.*).

у мертвеца». Из ноздрей Мадлен в морозный воздух вылетали облачка белого пара. Ее руки почти совсем онемели. Но она не торопилась, ибо сомневалась, что мать завершила выбраковку. Женестьева Шастель — маман для девушек — отличалась скрупулезностью.

Кто-то из отправленных «на пастбище» выживет; по крайней мере, какое-то время. Они превратятся в уличных *filles publiques* — самых низших в многочисленной неофициальной иерархии женщин, продающих свое тело в полусвете, начиная от *femmes de terrain* в общественных садах и до увешанных драгоценностями содержанок Версаля. А кто-то из девушек маман найдет свой конец недалеко от улицы Тевено, в грязи Отель-Дьё, давно забытой Богом больнице. Еще кто-то попадет в полицейскую облаву и будет выслан за пределы Парижа. Что толку думать об этом? Подобные мысли лишь напомнят, каким шатким было ее собственное положение и до чего близко она находилась от края. Мадлен не имела ни собственных денег, ни имущества, ни рекомендаций. Если маман ее прогонит, она, как и другие, окажется на улице, став еще одним куском мяса для парижского котла. По этой причине она никогда не водила дружбы с другими девушками. Делала то, что требовалось: расчесывала и заплетала им волосы, подкалывала и подшивала платья и меняла забрызганные спермой простыни. Но попытки помочь им не имели смысла. Нужно думать о том, как выжить самой и спасти Эмиля.

— Ты у нас ледышка, — сказала Коралина, когда Мадлен собиралась выйти из дому.

От старшей сестры сильно пахло потом.

Что ж, лучше быть крепкой, как кусок яшмы, чем уподобиться другим, кого раздавили в пыль.

В одиннадцатом часу утра Мадлен свернула на улицу Тевено, где жила с двенадцати лет, с возраста, именуемого нежным. Нежным, словно сочная телячья вырезка. Ее и продали не намного дороже куска говядины. Улица была узкой, и солнце сюда не попадало. Тем лучше. В сумраке облупившиеся фасады домов и грязь под ногами не так бросаются в глаза. Ее путь лежал мимо мастерской укусника. В воздухе висел едкий запах забродившего вина. Мадлен высматривала сгорбленную фигуру девочки, вот уже несколько недель жившей в одном из подъездов. Вот и она. На ней было мужское пальто, подвязанное веревкой. Наверное, отцовское или от брата досталось. Мадлен не спрашивала. Они почти не разговаривали. Вряд ли девчончья история будет сильно отличаться от историй других сирот и отверженных, вынужденных жить на зловонных городских улицах. Болезнь, долги, пьянство, смерть. Мадлен не желала об этом слышать.

— Мадемуазель... — Девочка протянула к ней грязную руку.

Сдержанно кивнув, Мадлен полезла в карман и вытащила последние несколько су. Не ахти сколько, но, может, хватит на миску супа.

— Спасибо. Вы очень добры.

«Правильнее сказать, очень глупа», — подумала Мадлен, идя дальше. Девчонка вряд ли переживет нынешнюю зиму, так зачем продлевать ее страдания?

Мадлен остановилась, ощутив на затылке чье-то ледяное дыхание, но, обернувшись, увидела лишь тощую черную кошку со сверкающими голодными глазами.

* * *

«Академия», как ее называла маман, занимала два средних этажа высокого закопченного здания в конце улицы. Неказистое, похожее на грязный палец, оно манило к себе искателей плотских утех. Вход помещался с задней стороны дома, и хотя бордель не имел вывески, клиенты находили его по характерному запаху. Мужчины, словно коты, метили свою территорию, отчего ступени провоняли мочой. Дыша ртом, Мадлен вошла, тихо закрыла за собой дверь, сняла грязные сапоги и двинулась вверх по лестнице, высланной ковровой дорожкой. Из-за закрытой двери доносились рыдания. Мадлен быстро и бесшумно прошла мимо.

— Где ты была? — На площадку выскочил ее племянник Эмиль, неумытый и непричесанный. — Ушла с самого утра, а я проголодался.

Мадлен со смешанным чувством любви и раздражения посмотрела на чумазое мальчишечье лицо:

— Неужели никто не додумался накормить тебя завтраком? Впрочем, чему удивляться? Конечно не додумались. Зачем кормить восьмилетнего мальчишку? Давай, горе мое, иди умой лицо и руки, а я раздобуду нам еды.

Она прошла на кухню, налила в кастрюльку молока и отрезала хлеба. Тишина в доме была напряженной, с удерживаемым внутри гневом и перешептываниями за плотно закрытыми дверями.

Завтракая, они корчили друг другу рожи. Видя, как Мадлен изображает бабушку, Эмиль фыркнул, выплюнув молоко в миску. Но уже через минуту его лицо стало серьезным.

— Сегодня выгнали двоих: Одиль и Лизетту.

— Значит, их?

Ничего удивительного. У Одиль уже два месяца не было менструаций, а Лизетта давно носила кружевные перчатки, скрывая характерную сыпь от сифилиса. Мадлен взглянула на свои руки с поломанными ногтями и красными костяшками, стараясь не вспоминать лица изгнанных.

Эмиль закашлялся, сотрясаясь всем телом. Мадлен растирала ему спину, думая о склянке с лекарством и вспоминая холодные, настойчивые пальцы аптекаря.

— Маду, она избавится от меня? — спросил мальчик, вытирая рот. — Когда-нибудь она и меня прогонит?

Этот вопрос он часто задавал Мадлен, получая одинаковые ответы.

— Конечно же нет, mon petit¹. Ты же ее внук. — Родственные узы мало значили для ее матери, холодной, расчетливой женщины, у которой дело стояло выше всего. — Ты же полезная машинка. Всегда выполняешь поручения и помогаешь.

Основной обязанностью Эмиля было провожать клиентов домой. Среди них хватало прощелыг, называвшихся чужим именем и дававших вымышленные адреса, а потому маман очень интересовало, в какой

---

¹ Малыш (фр.).

дыре они обитают. Если подобный тип не платил или вел себя не лучшим образом, ей требовалось знать, где потом его искать. То, чем занимался Эмиль, было опасно и для взрослого, не говоря уже о восьмилетнем ребенке.

— Маду, а тебя она тоже не прогонит? Она никогда не заставит тебя уйти?

Мадлен напряглась, скрывая это за улыбкой:

— Эмиль, я тебе уже говорила: я так не думаю. Я тоже во многом ей полезна.

Прислуга, учительница, тайная соглядатайка, шлюха. Но от маман гарантий не жди.

В коридоре послышались шаги. Дверь приоткрылась, и в проеме появилось нарумяненное лицо Корадины.

— Маду, маман велит, чтобы ты шла в гостиную. Не заставляй ее ждать.

— Зачем? — спросила Мадлен, у которой сжалось сердце.

— Иди, и там узнаешь. Быстро!

Мадлен поймала пристальный взгляд Эмиля, ощутила его страх и подмигнула племяннику:

— Не волнуйся, *mon petit*. Ты же знаешь ее прихоти. Наверное, хочет, чтобы я растерла ее старые скрюченные ноги. Доедай завтрак.

Но пока она шла по коридору, расправляя подол платья, страх в груди нарастал. Наверное, выбраковка еще не закончилась и следующей кандидатурой будет она.

Войдя в гостиную, обои которой давно выцвели, Мадлен увидела, что мать принарядилась для гостя. Дряблые щеки покрывал густой слой свинцовых белил, и на фоне этой белизны выделялись губы, покрытые ярко-красной помадой. Увидев, кто сидит напротив маман, расположившись на продавленной оттоманке, Мадлен сразу стало не по себе. Это был Камиль Дасье, самый ужасный из всех клиентов Сюжетты, а уж их у нее хватало, всяких и разных. Нельзя сказать, чтобы он отличался еще и уродливой внешностью. У него было грубое, жуликоватое лицо с нервирующими глазами разного цвета: карим и голубым. Эти глаза тут же повернулись к Мадлен.

— А-а-а, наша составительница отчетов.

Он держал себя властно и напыщенно. Впервые увидев его, Мадлен сразу поняла: перед ней — худший из полицейских.

— Коралина, ступай приготовь нам горячий шоколад, — сказала мать, коснувшись руки старшей дочери. — Приятно будет выпить его всем вместе.

В темно-сером платье маман была похожа на жирную, болезненно бледную устрицу. Через несколько секунд Коралина, шурша подолом, направилась к двери.

— Должна сказать вам, месье, что вы хорошо выглядите, — произнесла маман, поворачиваясь к Камиллю. — Надеюсь, вы в добром здравии?

Мадлен он вовсе не казался здоровым. Его кожа имела сероватый оттенок, свойственный человеку, который недосыпает и злоупотребляет выпивкой. Когда-то такая же кожа была у ее отца.

— Да, мадам. Грех жаловаться. Девушки у вас хорошие и чистые.

У Мадлен пересохло в горле, ладони стали липкими от пота. Зачем ее позвали сюда?

— Ох, месье, все мои доченьки — хорошие девушки. Каждая по-своему. Мадлен всегда была самой умной. Все подмечает. Всегда знает истинное положение вещей. Верно, Маду? Это почти компенсирует ее шрам.

Разумеется, маман так не думала. Мадлен она называла une fichaise — той, что гроша ломаного не стоит.

Маман еще несколько минут распространялась о других девушках, которых взяла под свое крыло, дабы всех их спасти от бедности. Мадлен сохраняла бесстрастное выражение лица. Слушая речи маман, можно было подумать, будто та владела убежищем для провинциальных девиц, а не заведением для распутников, охочих до задастой женской плоти. Нечего сказать, «Академия». Единственное, чему научилась здесь Мадлен, — это искусству лицемерия и обмана, а также умению притуплять свои чувства и в совершенстве делать рière.

— Мадлен, месье Дасье хочет кое-что тебе предложить, — объявила маман, поворачиваясь к дочери. — Кое-что стóящее.

Она продолжала улыбаться, словно вместе с румянами наложила на лицо и улыбку.

— Эти отчеты, что ты нам пишешь, — заговорил Камиль. — Истории, положенные тобой на бумагу. Они очень... полезны.

Мадлен кивнула, соглашаясь с его словами. Отец как мог обучил всех дочерей чтению и письму, и эти

навыки нашли неожиданное применение. Более года Мадлен посылала отчеты инспектору Мёнье — «покровителю» борделей и «защитнику» нравственных устоев. Этот человек легко закрывал глаза на продажу двенадцатилетних девочек, на венерические болезни, распространяемые содержанками, и на мошенничество *masquerelles*. Зато ему не терпелось узнать о предпочтениях, извращениях и признаниях, срывававшихся с языка клиентов, приходящих на улицу Тевено. Большинство аристократов предпочитали изысканные *sé-гаиле* на улице Дени или содержали любовницу, а то и двух. Однако находились те, кто не брезговал трущобным заведением, и, когда они появлялись в «Академии», Мадлен заносила на бумагу все их «художества». Сюда заходили политики, обожавшие помочиться девушке на лицо, церковники, охочие до «невинных овечек». Напрасно вся эта публика забывала, что находится под неусыпным наблюдением государства. Париж был опутан сетью *mouches*, и в каждом заведении имелись свои шпионы.

— Итак, мадемуазель Шастель, расскажу тебе одну историю, — начал Камиль; он подался вперед и понизил голос, устремив на Мадлен буравящие глаза. — В высоком доме на площади Дофина живет некий швейцарский часовых дел мастер по имени Максимилиан Рейнхарт. Говорят, доктор Рейнхарт — один из лучших часовщиков Парижа. Исключительно одаренный человек и вполне уважаемый. Он создает игрушки для богатых и раздает милостыню бедным. Но кое-кто говорит, что он делает странные штучки и вовсе не таков, каким кажется. — Камиль снова прислонился

к спинке оттоманки. — Горничная Рейнхарта собралась от него уйти.

В гостиной стало тихо. Из комнаты этажом выше доносился чей-то наигранный смех. В соседней комнате кровать шумно ударялась о стену. Вернулась Коралина. На подносе позвякивали чашки с шоколадом. Поставив поднос на стол, сестра села рядом с Мадлен. Коралина сидела почти вплоты, распространяя сразу несколько запахов: розовой воды, пота и карамели. Потом несло из выреза ее платья, а карамелью пахло изо рта.

— Вы уже рассказали ей? — спросила Коралина.

— Я к этому приближаюсь, любовь моя.

— Вы желаете, чтобы я стала шпионкой, — догадалась Мадлен.

— Нам необходимо, чтобы ты выяснила, чем он занимается на самом деле, — сказал Камиль Дасье. — Нужно узнать, что он за человек.

Коралина подала Мадлен чашку. Шоколад был плохо размешан, отчего на поверхности плавали комочки.

— А кем он кажется вам, месье? — задала новый вопрос Мадлен.

— Я считаю его очень умным, но весьма странным человеком. Надо его проверить, а то мало ли что. — (Они с маман переглянулись.) — Ходят слухи...

— И о чем говорят эти слухи?

— О том, что он занимается странными делами и проводит неестественные опыты.

— Какие опыты?

— А вот об этом ты и узнаешь. Но шепчутся, что в этой деятельности он зашел слишком далеко и готов

не останавливаться ни перед чем, только бы достичь своих целей. Тебе нужно выяснить, правда ли это.

Опыты, часовщики, игрушки для богачей. Что она знала об этих вещах?

— Зачем вам понадобилось это выяснять?

— Насколько тебе известно, я работаю на инспектора Мёнье. Но не только на него. Чтобы выжить в Париже, нужно иметь нескольких хозяев. Так вот, я служу одной весьма могущественной персоне. Тот человек желает удостовериться в характере и качествах Рейнхарта, прежде чем предложить швейцарцу некую важную роль.

Мадлен продолжала смотреть в чашку с шоколадом.

— И что это будет за роль?

Камиль не ответил на ее вопрос, сказав вместо этого:

— Прежде чем принять кого-то к себе в дом, мы обязательно справляемся о его репутации. Верно? — (Мадлен промолчала.) — Но не о твоей. Твою репутацию проверять никто не станет. Я сделаю так, чтобы тебя приняли в услужение. Твое имя шепнут Рейнхарту на ухо. — Камиль снова подался вперед. — Для девушки с такой жизненной историей, как твоя, это редкий шанс. Стоит ли говорить, что второго не представится?

Мадлен смотрела на полицейского с разноцветными глазами. Конечно же он прав. Она была подпорченным товаром: *socotte*, изуродованная шрамом. Ее собственная репутация не отличалась безупречностью. Двадцать три года, но она по-прежнему цепляется за суку, давшую ей жизнь. Не из любви или чувства долга, а по убеждению, что, окажись она одна, парижский котел мигом ее поглотит. Париж сохранял жизнь лишь

тем, кто платил. Не обязательно деньгами. Мадлен было почти нечего ему предложить. Об этом ей твердили многократно.

— Мы должны отплатить месье Дасье за его любезность, — неестественно сладким голосом произнесла маман. — Он к нам очень добр и заботится о нас. — Она смотрела на Мадлен и улыбалась, однако глаза оставались серыми и холодными, как Сена. — Дорогая, ты примешь его предложение.

Камиль с легким любопытством следил за их разговором. «Маленький человек, который наслаждается имеющейся у него властью», — подумала Мадлен.

— Месье, что именно потребуется от меня?

— Ты станешь *chambrière* — служанкой на все руки. Ты ведь до сих пор и была таковой. Помимо этого ты будешь исполнять обязанности *femme de chambre* для Вероники, дочери Рейнхарта. Тебе и это знакомо, поскольку ты помогаешь здешним девушкам. Только твоя новая хозяйка будет... менее опытной. — Он посмотрел на Коралину и скривил рот. — Ты будешь замечать, кто приходит в дом, и по возможности слушать разговоры. Записывать любые необычные действия и интересные беседы. Будешь читать все письма, расходные книги и дневники, какие попадутся. И каждую неделю ты будешь посылать мне отчет.

— О докторе Рейнхарте?

— Обо всем, что увидишь у него дома. На это задание тебе отводится тридцать дней, в течение которых ты должна узнать, чем он занимается и какие опыты проводит, а также сделать вывод, можно ли ему доверять.

Целый месяц в разлуке с Эмилем. Ей совсем не хотелось оставлять племянника одного. Она прекрасно знала, как он возмутится и огорчится.

— А вдруг часовщик сразу распознает во мне девушку низкого происхождения? Я ведь работала только здесь. Едва ли я гожусь в горничные для его дочери. Почему бы не попросить кого-то другого, кому не надо притворяться?

— За ближайшие две недели мы тебя подучим. Отшлифуем речь, найдем настоящую *femme de chambre*, чтобы показать тебе, что к чему. Но сдастся мне, Рейнхарт едва обратит на тебя внимание. Богатые обычно не считают слуг за людей. А его дочь — наивная особа. Ей не с чем сравнивать.

— Сколько ей лет?

— Семнадцать.

Мадлен поерзала на стуле. Немногим меньше, чем было Сюзетте, когда та умерла.

— Что о ней известно?

Камиль поковырял в зубах.

— Неискушенная. Почти ребенок. Совсем недавно вернулась из монастырской школы, где отец продержал ее десять лет. Сомневаюсь, что тебе удастся выудить из нее что-нибудь интересное, но попробовать стоит.

Мадлен задумалась о предложении. Нетребовательная госпожа, чистые простыни, теплый дом. Способ выбраться отсюда. Однако ее не оставляло тревожное ощущение, что вся эта затея — ловушка.

— Сколько мне за это заплатят?

— С оплатой я разберусь сама, — молниеносно ответила маман.

Это точно. Разберется, как разбиралась с деньгами, которые девушки получали за свои услуги. Деньгами, которые якобы шли на их содержание. Мадлен такой вариант не годился, ибо в случае ее согласия на работу и готовности полиции платить она ставила себя в опасное положение.

— Если я соглашусь на ваше предложение, деньги я должна получить сама, — сказала Мадлен, пристально глядя на Камиля. Она видела, как мрачнело лицо маман, в которой, словно дым, поднималась ярость. — Затем мы поделим деньги.

— Да ты настоящая дочь своей матери! — засмеялся Камиль, окидывая ее взглядом. — Хорошо. По завершении работы ты получишь на руки пятьсот ливров. Как ты будешь делиться с матерью — твое дело.

Пятьсот ливров! Маман хорошо поторговалась. Но это выглядело подозрительно легким и гладким.

— А когда я выполню это задание, что вы предложите мне потом? — спросила Мадлен.

— Ты поднимешься на несколько ступенек выше, мадемуазель Шастель. Если успешно справишься, получишь новые предложения, где будет больше обязанностей, но и больше денег.

Если она успешно справится. А если нет? Если Рейнхарт и его дочь раскусят ее? «Мухи», как называли шпионов полиции, у всех вызывали отвращение и ненависть. Разоблаченных забивали камнями на улицах, а оставшиеся в живых становились изгоями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ПАРИЖ	7
Часть вторая. ЛУВР	193
Часть третья. ВЕРСАЛЬ	321
Историческая справка	471
Словарь исторических терминов и жаргонных выражений	473
Благодарности	475